

Ключові слова: держава, Вишневецькі, князь, місто, володіння, кордони, козаки, Задніпров'я, Лівобережна Україна.

Брега В.В. Владение князей Вишневецких на Левобережной Украине в XVI–XVII веках

В статье исследуются основные пути и особенности формирования владений князей Вишневецких на территории Левобережной Украины в рамках социально-экономического развития Речи Посполитой XVI–XVII вв. Рассматриваются представители рода Вишневецких, которые принимали непосредственное участие в процессе становления и развития “Заднепровской Вишневецчины”.

Ключевые слова: государство, Вишневецкие, князь, город, владение, границы, казаки, Заднепровье, Левобережная Украина.

Brega V.V. The possessions of princes Vyshnevetsky on the Left-Bank Ukraine in 16–17 centuries

The article deal with main ways and features of organization Princes Vyshnevetsky' possessions on the territory of Left-Bank Ukraine within socio-economic development of Polish-Lithuanian Commonwealth (Rich Pospolita) in XVI–XVII centuries. The author considers representatives of the clan Vyshnevetsky, which took part in process of formation and development of “Zadniprovskaya Vyshnevechyna”.

Key words: state, Vyshnevetskies, prince, town, possession, frontier, cossacs, Zadniprovya, Left-Bank Ukraine.

[надійшло до редакції: 27.06.2012 р.]

УДК 323.1:325.454:94(477.5)

Григорий КОНДРАТЮК
(Симферополь)

Национальные отношения на Левобережной Украине и Крыму в контексте политики коренизации (20-е – начало 30-х гг. XX в.)

Национальная политика в условиях современной Украины приобретает всё большее значение как фактор стабилизации общества. Этнополитика должна приобрести новые черты, в условиях вызовов с которыми приходится сталкиваться Украине. Национальная политика будет успешной в том случае, когда будут учтены региональные особенности нашей страны. Они отличаются в Крыму, Закарпатье и Буковине, Слобожанщине.

Выработка концепции национальной политики должна базироваться в т.ч. на опыте её осуществления в СССР, достижений и просчётов курса коренизации.

Задача настоящей работы заключается в том, чтобы провести сравнительный анализ национальной политики в УССР и Крымской АССР в междувоенный период, характера межнациональных отношений на Крымском полуострове и в Левобережной Украине.

Историография вопроса уходит в само междувоенное двадцатилетие. Необходимо отметить, что изучение статуса различных национальных групп, элементов этнополитики, взаимоотношений различных этносов было начато ещё в 1920–1930-х гг. Это работы Е.Д. Кантора, В. Глебова, Б. Александровна, И. Левина [1]. Авторы этих работ – преимущественно партийные руководители, причастные к реализации национальной

политики в СССР. Во этих работах сделан однозначный вывод о преимуществах советской политики коренизации, наделения крестьян землёй, возрождения промышленных предприятий, борьбы государства с проявлениями антисемитизма.

В связи с обретением Украиной независимости, различные аспекты национальной политики междувоенного двадцатилетия вызвали внимание современных исследователей. Необходимо отметить работы Л.М. Новохатько, В.Б. Кузьменко [2]. Авторами проанализирован как комплекс социально-экономических, так и правовых компонентов национальной политики в УССР в 1920–1930-х гг., характер межнациональных отношений. Деятельность Народного комиссариата по делам национальностей в начале 1920-х гг., создание национальных сельских советов изучено в работе Д. Аманжоловой, где представлен большой статистический материал о динамике указанных низовых органов власти [3].

К изучению национальной политики и межнациональных отношений в УССР обращались также зарубежные исследователи. Профессор Гарвардского университета Терри Мартин 1920-е годы обозначил как период осуществления советским государством “программы положительной деятельности” в национальной политике. В частности, украинизацию языковой сферы в 1923–1932 гг. [4]. 1930-е годы автор обозначает как “политический кризис империи положительной деятельности”. Одна из глав монографии Т. Мартина носит красноречивое название “Национальный вопрос и голод 1933 года” [5]. Национальная политика в отношении немцев и поляков, проживавших в УССР и Крымской АССР, входившей в этот период в состав РСФСР, проанализирована в работе профессора Фрайбургского университета Виктора Дённингхауса. В частности, автор изучил формирование концептуальных основ национальной политики в отношении “нацмен Запада”, практическую работу региональных немецких секций ВКП(б) [6]. Одной из важнейших в межнациональных отношениях выступает языковая проблематика. Влияние государства в ней также очень ощутимо. Процессы русификации, усилившиеся в начале 1930-х гг., проанализированы в работе Питера Блитстейна. Здесь автор анализирует введение обязательного изучения русского языка в советских нерусских школах [7].

Одним из наиболее важных периодов практической реализации советской национальной политики стала коренизация 1920–1930-х гг. Политика коренизации была провозглашена на XII съезде РКП(б) в апреле 1923 г. Однако в Крыму реализация национальной политики была начата с момента установления советской власти в ноябре 1920 г. За относительно небольшой период – с ноября 1920 г. до апреля 1923 г. – она подверглась существенным изменениям. Рубеж 1920–1921 г. – это краткий период, когда руководство Крымского обкома РКП(б) стремилось понять сложность межнациональных отношений на полуострове. В середине 1920 г., в условиях нестабильности режима П.Н. Врангеля, существовавшего в Крыму, происходит целый ряд столкновений на национальной основе. В частности, греко-татарская резня в регионе Алушта-Ялта. Новые власти игнорировать эти факты не могли. Решение сложных межнациональных отношений виделось в подавлении органами ВЧК любых попыток несанкционированных действий и попыток легализоваться бывших национальных политических партий. Начало 1921 г. ознаменовалось подключением нового регулятора межнациональных отношений – пропаганды. В составе Крымского обкома

РКП(б) были созданы крымскотатарская, эстонская, немецкая, армянская секции. Эти секции активно взаимодействовали с аналогичными структурами ЦК КП(б)У. Административными органами, реализовывавшими политику коренизации в Левобережной Украине была Центральная комиссия по делам национальных меньшинств Всеукраинского Центрального Исполнительного Комитета (ЦКНМ ВУЦИК), а в Крымской АССР – Национальная комиссия Центрального исполнительного комитета (Нацкомиссия ЦИК КрАССР) и Уполномоченный по делам национальных меньшинств. Между этими управленческими органами осуществлялось тесное взаимодействие. Так, в частности, эстонская секция Крымского обкома имела двойное подчинение – эстонским бюро в Харькове и Москве. Из Харькова был направлен на работу в Крым руководитель эстонской секции местного обкома О. Пальги. Оттуда же была получена литература для ведения пропагандистской работы в эстонских колониях Крыма. В своём отчёте за февраль 1921 г. эстонский отдел агитпропа ЦК КП(б)У отмечал: “Особенное внимание было обращено на Крым, где имеется эстонская масса/колонисты. В Крым за отчётный период была выслана целая “ударная группа” ответственных партработников для полит и культпросвет работы на месте. Попутно с политпросветработой среди эстонского элемента ведётся и работа по борьбе с белогвардейскими эстонскими организациями, как при посредстве пропаганды масс, так и через соответствующие органы ВЧК ... подобные задания имел один товарищ, отправленный в Крым. Он должен положить предел оптационной и антисоветской деятельности бело-эстонской легальной оптационной комиссии г.Симферополе и нелегальным “оптационным комиссиям” в некоторых прочих городах УССР” [8]. Важной формой работы стало проведение национальных беспартийных крестьянских и молодёжных, женских конференций. Так, в феврале 1921 г. в Евпатории состоялась I беспартийная конференция немецкой молодёжи. Один из рассматриваемых пунктов носил название “национальный вопрос”. В принятой по итогам обсуждения резолюции, по докладу члена немецкой секции обкома Мандельбаума отмечалось, что “социалистическая республика, единственная государственная форма, которая даёт всем национальным меньшинствам, а также немецкому населению, свободно развиваться в своей культуре” [9]. Эта резолюция была не более чем выдачей желаемого за действительное. Осуществив поездки по немецким колониям Крыма, коммунисты были вынуждены признать очевидное “всё же замечается, что не сегодня и не завтра, кулаки и зажиточные не хотят понять советскую власть” [10]. Такую власть крестьяне понимать не хотели. Земельный вопрос был крайне острым и для немцев, проживавших на Левобережье. Они потеряли значительную часть своих угодий, что сделало из них “оппозиционеров” большевизму. Была проведена коррекция в реализации земельной реформы с целью смягчения противостояния. В своём отчёте за 1925 г. ЦКНМ ВУЦИК ситуацию на Левобережье характеризовал так: “земельный вопрос в немецких колониях урегулирован по линии законодательных органов: соответствующие постановления о прирезке немцам земли сейчас осуществляются на местах” [11]. Реквизиции, продразвёрстка, террор и систематическое насилие отталкивали жителей Крыма от большевистских властей. Командированный в мае 1921 г. в Сарабуз и немецкие колонии данного района секретарь немецкой секции И. Пецина был вынужден констатировать, что “настоящее экономическое положение крестьянства вследствие неурожая катастрофическое и это конечно имеет на все состояние вредное влияние. Во

всех деревнях, где стоят военные части на квартирах, крестьяне жалуются на беспорядок, который чинят солдаты. При этом крестьянству этого района предстоит голод ... Всеобщее впечатление то, что Крым стоит пред катастрофой, благодаря голоду” [12]. Голод охватил Крымский полуостров и стал настоящей гуманитарной катастрофой. Из общей численности населения в 750 тыс. человек, по данным первой предварительной переписи населения в апреле 1921 г., умерло 100 тыс. человек. Почти $\frac{3}{4}$ из числа погибших составили крымские татары, поскольку голод охватил южнобережные и горные деревни. Де-факто, голод выступил элементом национальной политики. Голод абсолютно подавил волю национального крестьянства к сопротивлению. Активные мероприятия в области национальных отношений были продолжены только с преодолением последствий голода летом 1923 г.

Коренизация включала квотирование в органах власти и управления, создание национальных сельских советов, формирование национального пролетариата и перераспределение земли. На территории Левобережья в середине 1920-х годов эта работа отличалась гибкостью и прагматизмом, о чём можно судить из документов ЦКНМ ВУЦИК: “мероприятия среди разных национальных меньшинств настолько разнообразны, насколько различны были пути их исторического развития” [13].

В комплексе мероприятий коренизации языковому вопросу уделялось исключительное внимание. В ноябре 1921 г. I Всекрымским съездом советов была принята Конституция Крымской ССР, в которой государственными языками провозглашались русский и крымскотатарский. Можно констатировать, что советская власть в 1920-х гг. не только не принимала дискриминационных мер и законодательных актов, но стимулировала развитие различных языков комплексом целевых действий. 1 октября 1925 г. на заседании СНК УССР был утверждён состав Центральной комиссии по делам украинизации. Ее председателем стал В. Чубарь, а в состав вошли такие известные государственные деятели, как Н. Скрипник и Н. Шумский [14]. Комиссия существенно расширила сферу применения украинского языка на Левобережье. Схожий процесс в языковой политике прослеживается и в Крымской АССР. Наиболее ярко это можно видеть на примере развития образования, борьбы с неграмотностью и введения латинского алфавита для тюркских народов. Латинизация алфавита фактически отсекала значительный пласт литературы с использованием “арабицы”, устраняла мусульманское духовенство из образовательных процессов. Введение латинского алфавита корректировало этническую идентичность тюркских народов. Латинизация проводилась с помощью создания общественной организации – “Общества Друзей Нового Алфавита – Долой неграмотность”. В Симферополе 5 июня 1931 года прошёл I Всекрымский съезд “ОДНА-ДН”. Повестка дня включала доклад Центрального совета “ОДН”, доклад о едином плане культурного строительства, отчёты региональных организаций. Чрезвычайно показательным является пункт повестки дня “Рапорт ОДН татарской республики”. Это был отчёт Крымской региональной структуры “Общества Друзей Нового Алфавита” [15]. Формулировка дополнительный раз демонстрирует, что Крымская АССР трактовалась как национальная автономия, где этнополитика призвана была решить, прежде всего, проблемы крымскотатарского народа.

Важный этап национальной политики в УССР и Крымской АССР может быть обозначен с 1929 по 1934 г. Его основной лейтмотив – борьба с национальной интеллигенцией и национал-коммунистами. Фактором в репрессировании была “националь-

но-политическая неблагонадёжность”, а не сам факт принадлежности к определённом народу. В 1928 г. в Крыму состоялась одна из первых репрессивных акций укреплявшегося тоталитарного режима. Проведён судебный процесс над председателем ЦИК Крымской АССР Вели Ибраимовым и группой его ближайших соратников. Суд вынес решение о казни Вели Ибраимова. Данный судебный процесс стал началом широкой кампании репрессий против национал-коммунистов. Укрепившийся тоталитарный режим посчитал опасностью для себя рост национального самосознания, расширение влияния национальной интеллигенции. Схожий процесс развернулся и в УССР – это так называемое дело “Союза освобождения Украины”. Судебные процессы дали старт широкой волне репрессий против национальной интеллигенции. Важное обстоятельство состояло в том, что в самой коренизации заключалось глубокое противоречие между национальным и интернациональным. Для национальной интеллигенции, многие представители которой прошли через революцию 1917 г., национальное являлось приоритетным, национально-культурное творчество было воспринято слишком буквально. В школах росло новое поколение молодёжи с высоким уровнем этнического самосознания. Укрепившийся сталинский режим изменил приоритеты национальной политики. Взаимосвязь с индустриализацией стала занимать важнейшее положение. Концепция большевиков состояла в том, что крестьянство является носителем национализма и скрытым противником советской власти. Задача виделась в том, чтобы сформировать национальный пролетариат, выступивший важнейшей опорой партии большевиков. В системе образования приоритет был отдан профессионально-техническим учебным заведениям, которые должны были готовить кадры для индустриализации. Сельская национальная молодёжь должна была пополнить ряды пролетариата. Большевистская доктрина была предназначена для городских рабочих, но не для крестьянства.

Важнейшим аспектом национальной политики стало проведение земельной реформы. Это не случайно, так как подавляющую часть населения УССР и половину жителей Крымской АССР составляли крестьяне. В ходе земельной реформы участками должно было быть наделено национальное крестьянство. Среди крестьян крымских татар половина была безземельной, поэтому решение этой острой и болезненной проблемы руководству автономии виделось как важнейший содержательный компонент национальной политики. Однако в Крыму земельная реформа приобрела специфические черты и вызвала национальные противоречия. Ключевым вопросом стала пропорциональность владения землёй различными этническими группами. На проходившей 27 января – 2 февраля 1927 года XII областной партийной конференции ВКП(б) земельной проблематике было уделено особое внимание. Секретарь крымского обкома ВКП(б) Д.Петропавловский в докладе отметил, что “отсутствие внутриселенного землеустройства вносит неурядицу в деревню, потому что распри, а иногда и национальные споры в деревне, главным образом происходят из-за земли” [16]. Выступивший Уполномоченный по делам национальных меньшинств при ЦИК Крымской АССР У. Балич в докладе посвящённом национальному вопросу отметил, что “вопрос землеустройства среди татарского населения даёт такие результаты, что землепользование среди татар возросло после проведения междуселенного землеустройства на 100 %, т.е. вдвое увеличилось ... Землеобеспеченность немецкого крестьянства в

сравнении с довоенным временем уменьшилась на 50 %” [17]. Курс Народного комиссариата земледелия Крымской АССР, предполагал осуществление как внутриселенного, так и межселенного землеустройства. Последнее должно было увеличить объёмы земли для ряда этносов.

Национальной группой проживавшей и в Левобережной Украине, и Крыму были чехи. В Крымской АССР чешским центром являлось с. Александровка. Комплекс мероприятий в отношении чехов Левобережья обсуждался на заседании ЦКНМ ВУЦИК 13 апреля 1925 г. В выступлении заведующего чешским ЦБ Гаека отмечалось, что “основным вопросом, вызывающим недовольство чешского населения, является вопрос о землеустройстве, главным образом о недостатке земельного надела” [18]. Эти мероприятия были существенно скорректированы программой переселения в Крымскую АССР евреев из местечек УССР и БССР. Переселение евреев должно было решить несколько задач. Во-первых, проблему бедности в штеттлах. Во-вторых, по мнению большевистского руководства, доминирование среди евреев занятия торговлей рождало мелкобуржуазный уклад и непролетарские настроения. Выступая на II сессии Всесоюзного Центрального Исполнительного Комитета (ВЦИК), один из руководителей КОМЗЕТ Абрам Мережин говорил “мелкоторговая еврейская буржуазия, под ударами молота диктатуры пролетариата, также в основном ликвидирована” [19]. В-третьих, на международной арене важно было показать, что проблема антисемитизма в СССР решена. Кампания по переселению евреев должна была продемонстрировать всему миру, что только в советской стране решён еврейский вопрос. К 1932 г. общая численность направленных в Крым составила 11627 семей. От общего количества переселенцев, выходцы из УССР составили 63 %, из них значительная часть из городов Левобережной Украины [20]. Из Крымской АССР в УкрКОМЗЕТ поступали т.н. наряды – представлявшие собой численную развёрстку для потенциальных переселенцев. Так, в весеннем наряде 1933 г. численность переселенцев была определена в 700 семей. Из них из Киева 180, Харькова 125, Чернигова 50 [21]. Эти наряды для многих оказались спасением в условиях катастрофы голода 1932–1933 гг.

В дело переселения были вовлечены значительные финансовые ресурсы как государства, так и международных еврейских организаций, в частности Агро-Джойнта. К 1933 г., когда процесс переселения в Крым ещё не был завершён, общая сумма финансирования составила порядка 30 млн. руб. Из этой суммы государственные средства составили 16 млн. 928 тыс. руб. Остальное – деньги Агро-Джойнта, Еврейского Колонизационного Общества, Союза Обществ ремесленного и земледельческого труда среди евреев (Орт-Фербанда), Общества по содействию земельному устройству евреев в СССР (ИКОР). Это были кредиты в валюте, поставка тракторов для еврейских переселенческих колхозов, специальной техники для прорубки глубоких колодцев в условиях засушливого степного Крыма. В Крымской АССР были созданы Фрайдорфский и Лариндорфский еврейские национальные районы, 33 национальных еврейских сельских советов. Просветительскую деятельность осуществляли 73 еврейские школы первой ступени, 14 школ крестьянской молодёжи и 2 сельскохозяйственных техникума, 22 избы-читальни, работал еврейский молодёжный театр ТРАМ. В Фрайдорфском национальном еврейском районе издавалась на идиш газета “Ленинвег”. Итоговые показатели работ к 1933 г. были впечатляющие: переселенцами-евреями было освое-

но свыше 340 тыс. га земли сельскохозяйственного назначения, вырыто 459 шахтных колодцев, основано 87 новых населённых пунктов [22].

Одна из главных причин, побуждавших к переселению, была бедность и невозможность получения работы. В ЦКНМ ВУЦИК обратилась группа из 21 еврея г. Нежина, желавших переселиться. В своём заявлении они писали, что “положение нашей еврейской массы в Нежине критически бедственное. Насыщенность еврейской беднотой, голодной, раздетой, обезличенной. Масса вдов и сирот, не имеющих дневного пропитания, и кроме того отсутствие какой бы то ни было промышленности, и вот нам нижеподписавшимся грозит или голодная жизнь или прозябание на несчастные крохи мелкой торговли: изменить нашу обезличенную, обездоленную жизнь давно пора ... просим ЦК Нацмен учесть Нежинскую действительность. Мы все искренне просим вас придти на помощь нам разрешив переселиться нашим семьям на Юг для обработки земли, где мы примем все меры к устройству нашей возрождённой страны” [23].

Советское руководство осуществляло активную промышленную и кооперативную политику. Была расширена энергетическая база, модернизированы основные фонды предприятий, созданы новые производства. В Крымской АССР гигантами промышленной индустрии стали Керченский металлургический комбинат и Севастопольский морской завод. Из местечек Украины еврейская молодёжь ехала на крымские промышленные гиганты. Специально для еврейской молодёжи при Керченском ГМЗ была создана школа ФЗУ для получения рабочих специальностей. Еврейский пролетариат должен был прийти на смену мелким торговцам. Помимо “флагманов индустрии” в Евпатории и Джанкое создавались предприятия лёгкой промышленности, трудоустроивавшие бывших кустарей. Огромную помощь в создании этих производств оказывал Орт-Фербанд. На заседании Президиума КОМЗЕТ 8 апреля 1933 г. было отмечено, что финансовый план Орт-Фербанда на год составит 2 млн. 143 тыс. руб. Из этой суммы Крымской АССР предусматривался самый значительный объём ресурсов – 575275 руб. На средства Орт-фербанда были созданы трикотажная фабрика “Дер Эмес” в Евпатории, ткацкая фабрика во Фрайдорфе и шерстепрядильная фабрика “Ленинвег” в Джанкойском районе. Всего в Крыму действовало 57 производств созданных евреев-переселенцев [24].

Устройство евреев из Левобережной Украины осуществлялось не только в Крыму, но и в южных регионах УССР. На территории современных Запорожской, Днепропетровской и Херсонской областей были выделены значительные участки под переселение, в т.ч. и евреев. В последующем созданы еврейские сельские советы и районы. Отток еврейского населения из Левобережья очевиден при сравнении данных всесоюзных переписей 1926 и 1939 г. Так, численность евреев в Полтавской области сократилась с 78,6 тыс. человек до 46,9 тыс., в Сумской – с 26 тыс. до 16,4 тыс., в Черниговской – с 45,1 тыс. до 31,9 тыс. Статистические данные однозначно свидетельствуют о том, что именно области Левобережной Украины стали “донорами” в миграции еврейского населения. В то же время, численность евреев в Днепропетровской области увеличилась с 93 тыс. до 129,4 тыс., в Запорожской – с 38 тыс. до 43,3 тыс.

Вторым направлением движения населения в общем из областей Левобережья стали промышленные регионы УССР, где развернулись крупные промышленные стройки.

Так, количество евреев в Сталинской (Донецкой) области возросло с 38,5 тыс. до 65, 6 тыс., в Харьковской – с 87,5 тыс. до 136, 7 тыс. человек. Статистические данные свидетельствуют о том, что еврейское население Сумской, Черниговской и Полтавской областей становилось промышленными рабочими предприятий первых пятилеток [25].

Одним из важных направлений национальной политики стало этническое формирование органов власти и управления. Советская политика коренизации предполагала выделение квот для представителей всех народов, проживавших в определённом регионе. Квоты были, как правило, пропорциональны численности этноса. Власть и население не были представлены людьми разных национальностей и данное обстоятельство способствовало более плодотворному диалогу большевиков с населением. При ЦИК Крымской АССР была создана специальная комиссия по реализации мероприятий татаризации в автономии. Татаризацией именовались мероприятия по привлечению крымских татар, как коренного этноса, в различные сферы политической, экономической и культурной жизни автономии.

Положение татар, проживавших на Левобережье, интересовало и центральные органы власти. Так, Отдел Национальностей ВЦИК обратился с просьбой в ЦКНМ ВУЦИК предоставить информацию о роде занятий татарского населения, языке культурно-просветительной работы, политической активности, работе в низовых сельских советах Артемовского, Луганского, Мариупольского и Сталинского округов [26]. Позитивным аспектом татаризации являлось вовлечение крымскотатарской молодёжи в учебные заведения, прежде всего техникумы и институты. В начале 1930-х гг. в Симферополе были созданы медицинский и сельскохозяйственный институты, изначально предполагавшие подготовку специалистов из национальных меньшинств. Мероприятия квотирования коснулись также в значительной степени евреев. При ЦИК автономии была сформирована специальная комиссия по обустройству евреев-переселенцев. В состав этой комиссии входил глава Крымского представительства КОМЗЕТ. Наличие такой структуры позволяло достаточно оперативно решать административно-хозяйственные вопросы, связанные с переселением тысяч человек.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что национальная политика в межвоенный период в СССР обладала существенными региональными особенностями. Крымской АССР были присущи уникальные черты, поэтому автономия стала своеобразной опытной площадкой по апробированию мероприятий коренизации. Украинизация 1920-х гг. оказалась плодотворной в сфере культуры и образования, национального творчества. Власть стимулировала использование украинского языка в различных сферах жизни общества. Успешно работали украинские школы и театры, печаталась литература на украинском языке, значительно расширилась номенклатура газет.

Источники и литература

1. *Кантор Е.Д.* Кому потрібна ворожнеча народів / Е.Д. Кантор. – Х. : Державне видавництво України, 1925. – 48 с.; *Глебов В.* Современный антисемитизм и борьба с ним / В. Глебов. – М. ; Л. : Молодая гвардия, 1927. – 56 с.; *Александров Б.* Положение национальных меньшинств в послевоенной Европе / Б. Александров. – М. : Партиздат, 1933. – 184 с.; *Левин И.* Национальный вопрос в послевоенной Европе / И. Левин. – М. : Коммунистическая академия. Институт советского строительства и права, 1934. – 527 с.

2. *Новохатько Л.М.* Национальный аспект доктрины “социалистической реконструкции” (Спроба історико-теоретичного переосмислення) / Л.М. Новохатько. – К. : НАН України, Інститут історії України, 1997. – 110с; *Кузьменко В.Б.* Міжнаціональні відносини в Радянській Україні (1917–1939 рр.): правові аспекти / В.Б. Кузьменко. – Одеса : Одеський державний університет внутрішніх справ, 2009. – 810 с.
3. *Аманжолова Д.А.* Форматирование советскости. Национальные меньшинства в этнополитическом ландшафте СССР. 1920–1930-е гг / Д.А. Аманжолова. – М. : Собрание, 2010. – 248 с.
4. *Мартин Т.* “Империя положительной деятельности”. Нации и национализм в СССР. 1923–1939. / Т. Мартин. – М. : РОССПЭН, 2011. – С. 108–176.
5. Там же. – С. 376–424.
6. *Дённингхаус В.* В тени “Большого Брата”. Западные национальные меньшинства в СССР. 1917–1938 гг. / В. Дённингхаус. – М. : РОССПЭН, 2011. – С. 302–332.
7. Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина / под ред. Р.Г. Суни. – М. : РОССПЭН, 2011. – С. 310–336
8. Центральный государственный архив общественных объединений Украины (далее – ЦГАОО Украины), ф. 1, оп. 20, д. 800, л. 81.
9. Государственный архив Автономной Республики Крым (далее – ГААРК), ф. П-1, оп. 1, д. 106 а, л. 80.
10. Там же, л. 15.
11. Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (далее – ЦГАВО Украины), ф.413, оп.1, д.10, л.54.
12. ГААРК, ф. П-1, оп.1, д. 106, л. 24.
13. ЦГАВО Украины, ф. 413, оп. 1, д. 10, л. 64.
14. Там же, д. 31, л. 10.
15. ГААРК, ф. Р-515, оп. 1, д. 207, л. 105–108.
16. Там же, ф. П-1, оп. 1, д. 591, л. 16.
17. Там же, л. 159 об.
18. ЦГАВО Украины, ф. 413, оп. 1, д. 40, л. 68.
19. ГААРК, ф. Р-515, оп. 1, д. 207, л. 171.
20. Там же, д. 361, л. 51.
21. ЦГАОО Украины, ф. 571, оп. 2, д. 50, л. 73.
22. ГААРК, ф. Р-515, оп. 1, д. 361, л. 51
23. ЦГАВО Украины, ф. 413, оп. 1, д. 97, л. 104.
24. ГААРК, ф. Р-515, оп.1, д.361, л. 92.
25. См.: *Константинов В.* Еврейское население бывшего СССР в XX веке (социально-демографический анализ) / В. Константинов. – Иерусалим : Лира, 2007. – 307 с.
26. ЦГАВО Украины, ф. 413, оп.1, д.34, л.10.

Кондратюк Г.Н. Национальные отношения на Левобережной Украине и Крыму в контексте политики коренизации (20-е – начало 30-х гг. XX в.)

В статье проведён сравнительный анализ национальной политики в УССР и Крымской АССР. Характеризуются позитивные и негативные аспекты этнополитики междувоенного периода. Изучено проведение аграрных преобразований, программу переселения евреев, создания национальных сельских советов и районов.

Ключевые слова: этнополитика, коренизация, национальные отношения.

Кондратюк Г.М. Національні відносини у Лівобережній Україні та Криму в контексті політики коренизації (20-ті – початок 30-х років XX ст.)

У статті здійснено порівняльний аналіз національної політики в УСРР та Кримській АРСР. Охарактеризовано позитивні та негативні аспекти етнополітики міжвоєнної доби. Вивчено проведення аграрних перетворень, програму переселення євреїв, створення національних сільських рад і районів.

Ключові слова: етнополітика, коренизація, національні відносини.

Kondratiuk G.N. The national relations in the Left-Bank Ukraine and the Crimea in a context of policy of a korenisation (20 – early 30-ies of the 20 century)

The comparative analysis of national policy in USSR and the Crimean ASSR was carried out in this article. Positive and negative aspects of ethnopolitics of the intermilitary period were characterized. Agrarian transformations, the program of resettlement of Jews, creations of national areas were studied.

Key words: ethnopolitics, korenisation, national relations.

[надійшло до редакції: 27.11.2012 р.]

УДК 39:001.891:262.1(477.51)(051)“1912/1917”

Катерина ЛИТВИН
(Київ)

Етнографічні студії представників духовенства Чернігівської єпархії за матеріалами журналу “Вера и Жизнь” (1912–1917)

Нині потреба переосмислення творчого доробку попередників у царині етнографії є цілком очевидною. До них слід віднести як добре відомих, так і невідомих широкому загалові постатей. Серед них ми звертаємося до представників чернігівського єпархіального духовенства як основних дописувачів журналу “Вера и Жизнь”. Систематизація накопичених церковними діячами даних з вивчення традиційної культури краю та його церковного життя допоможуть відтворити цілісну картину розвитку українського народознавства в окремому регіоні на межі XIX–XX ст.

Одна з перших простежила розвиток церковно-історичного краєзнавства на території Чернігівської єпархії історик О.С. Гейда [1]. Вона вказала, що провідні дослідження в цій галузі знань протягом другої половини XVII – на початку XX ст. належали саме єпархіальному духовництву, викладачам і службовцям духовних навчальних закладів. Окрім того, дослідниця охарактеризувала діяльність чернігівського православного братства св. Михайла, князя чернігівського та детально описала їх благодійну роботу [2]. Згодом у історичній праці Т.В. Ковальчук, присвяченій громадській діяльності церковних братств упродовж 1905–1917 років, було показано, що провідним завданням братчиків було вивчення народної побутової культури [3].

У 2003 р. вийшов друком упорядкований істориком О.Ф. Тарасенко бібліографічний покажчик періодичних видань Чернігівської єпархії “Прибавления к Черниговским епархиальным известиям” та “Вера и Жизнь” [4]. Усі публікації згруповані в ньому в 5 розділах, що відображали накреслену тогочасною редакційною колегією програму видань. Зауважимо, що до покажчика автор не вніс матеріали з “церковно-общественного отдела” та “хронику местной и общественной жизни, библиографию, смесь”, які були ваговою складовою даних видань.

Як бачимо, в центрі уваги дослідників перебувають проблеми історії заснування братства св. Михайла, князя чернігівського, вивчення його діяльності переважно в контексті громадського життя та загальної церковної історії. Метою даного дослі-